

§4 ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРАВОВЫХ И ПОЛИТИЧЕСКИХ СИСТЕМ

Костогрызов П.И.

ФЕНОМЕН ЛАТИНОАМЕРИКАНСКОГО НЕОКОНСТИТУЦИОНАЛИЗМА

Аннотация: *Латиноамериканский конституционализм имеет богатую историю. В последние десятилетия конституционное право большинства стран региона переживает новый этап трансформации, получивший название латиноамериканского неоконституционализма. Цель статьи – выявление основных сущностных характеристик этого феномена. Объектом исследования стали конституции ряда латиноамериканских стран, принятые после 1985 г. В этих документах нашли отражение политические и социальные процессы конца XX – начала XXI вв.: "левый поворот", усиление влияния индихенизма, рост политической активности коренного населения. Опираясь на концептуальные идеи зарубежных правоведов, как принадлежащих к школе неоконституционалистов, так и их оппонентов, автор проводит сравнительный анализ новейших конституций стран Латинской Америки и приходит к выводу, что при имеющихся национальных отличиях, всем им присущи общие черты, которые позволяют характеризовать их как составляющие единого феномена. По мнению автора, всем латиноамериканским конституциям конца XX – начала XXI вв. свойственны: эгалитаризм, плюрализм, радикальный демократизм, повышенное внимание к правам индейцев, а также направленность на деконструкцию характерной для эпохи модерна парадигмы государства-нации.*

Ключевые слова: Конституционное право, неоконституционализм, конституция, государство-нация, плюрализм, Латинская Америка, правовая реформа, политическая трансформация, индихенизм, права человека.

Abstract: *Latin American constitutionalism has a rich history. Over the last decades, the constitutional law of the majority of countries of the region experiences a new stage of transformation, which acquired the title of Latin American neo-constitutionalism. The goal of this article consists in determination of the fundamental conceptual characteristics of this phenomenon. The object of this research is the constitutions of several countries of Latin America, adopted after 1985. These documents reflect the political and social processes of the late XX – early XXI centuries: "left turn", empowerment of Indigenismo, and growth of the political activity among indigenous population. The author carries out a comparative analysis of the newest constitutions of the countries of Latin America based on the conceptual ideas of the foreign legal experts, who belonged to the school of neo-constitutionalists or their opponents. The conclusion is made that despite the national differences, all of these constitutions have common features, which allow characterizing them as the component of a single phenomenon. In the author's opinion, the following features are typical to all of the Latin American constitutions of the late XX – early XXI centuries: egalitarianism, pluralism, radical democracy, heightened attention towards the rights of the natives, as well as orientation towards deconstruction of paradigm of nation state that is characteristic to modernity.*

Keywords: *Human rights, Indigenismo, Political transformation, Legal reform, Latin America, Pluralism, Nation state, Constitution, Neo-constitutionalism, Constitutional law.*

Латиноамериканский конституционализм имеет очень интересную историю, отразившую бурную динамику социальных и политических процессов, которыми так насыщен недолгий, но богатый событиями период независимого развития стран этого региона. За два века независимости большинство государств Латинской Америки сменили по несколько конституций, а некоторые – более десятка. Так, в Венесуэле сейчас действует двадцать первая по счету конституция, в Боливии семнадцатая, в Перу

шестнадцатая [16], в Чили десятая. Результаты каждого цикла политических трансформаций получали юридическое оформление в обновленных текстах основных законов.

С одной стороны, такая нестабильность основополагающей отрасли права является признаком неустойчивого состояния правовой системы в целом, что в правоведении обычно оценивается негативно. Но с другой стороны, именно это делает конституционную историю Латинской Америки особенно интересной

для исследователей. Этот регион стал настоящей лабораторией конституционного творчества, в которой за двести лет было испытано огромное разнообразие государственно-правовых моделей, институтов и форм, как заимствованных у более развитых стран, так и оригинальных. В истории латиноамериканского конституционализма можно выделить несколько периодов: консервативный, либеральный, либерально-демократический. Во второй половине XX века он развивался под влиянием господствовавшей в это время в Западном мире идеологии правового и социального государства.

Рубеж тысячелетий стал временем нового витка эволюции конституционного права латиноамериканских стран. Последние три десятилетия принесли с собой серию крупных конституционных реформ в большинстве ключевых государств региона. Начало новому циклу перемен положила Гватемала с Конституцией 1985 г., за ней последовали Бразилия, принявшая новую Конституцию в 1988 г., Колумбия – в 1991 г., Парагвай – в 1992 г., Перу – в 1993 г., Венесуэла – в 1999 г.; Эквадор поменял основной закон дважды – в 1998 г. и 2008 г., Боливия включилась в процесс обновления в 2009 г., в 2010 г. вступила в силу новая Конституция Доминиканской республики. В ряде государств (Коста-Рика, Аргентина, Мексика), старые конституции продолжают действовать, однако в их тексты были внесены существенные изменения. Всего же за двадцать лет с 1990 по 2009 гг. в странах Латинской Америки было принято 350 конституционных поправок. Рекордсменами по числу поправок стали Мексика и Бразилия, и только Парагвай сохранил без изменений Конституцию 1992 год [20, с. 7].

Процесс конституционного обновления в Латинской Америке не останавливается. В апреле 2015 г. Президент Чили М. Бачелет объявила, что в сентябре этого года начнется разработка новой Конституции страны [6]. 13 октября она представила программу предстоящего конституционного процесса, которая включает этапы информирования граждан, гражданского диалога, разработки проекта, его обсуждения, принятия и ратификации. Должны состояться два плебисцита, в ходе первого гражданам предстоит выбрать процедуру принятия проекта Конституции, а в ходе второго – ратифицировать окончательный текст нового основного закона. Завершение процесса запланировано на 2018 год [17].

Современный цикл трансформации конституционного права латиноамериканских стран разворачивается под влиянием не только экспортируемой из «первого мира» либеральной идеологии прав человека, но и испытывает сильное воздействие

специфических региональных факторов, в том числе, идейно-политических. Среди последних следует выделить, во-первых, «левый поворот», то есть, приход к власти левых сил, отразившийся, прежде всего, в социальных и экономических блоках конституционных норм; во-вторых, усиление индихенизма (от исп. *indígena* – «коренной житель, туземец») – движения за права индейцев – превратившегося в последние десятилетия во влиятельную политическую силу, во многом определяющую региональную повестку дня. Эти два фактора тесно переплетаются между собой, так как левые партии обычно опираются на индейцев и поддерживают их требования, а этнически ориентированные движения коренных народов, как правило, придерживаются левых взглядов в социально-экономической сфере.

С индихенизмом тесно связан дискурс деколонизации, также занявший важное место в политических и юридических дебатах последних двадцати лет в Латинской Америке и наложивший отпечаток на конституции нового поколения. Речь при этом идет, разумеется, не об освобождении от колониальной зависимости, которого страны региона добились еще два века назад, а о более глубоком социально-политическом процессе – так называемой внутренней деколонизации, под которой индихенисты понимают освобождение завоеванной, колонизованной цивилизации от господства цивилизации, «навязанной» колонизаторами (то есть автохтонной, индейской – от западной, европейско-христианской). Деколонизация в этом смысле подразумевает восстановление прав индейцев жить в соответствии с традициями и обычаями предков, сохраняя исконные экономические, социальные и потестарные институты, под управлением традиционных органов власти.

Конституционные реформы последних десятилетий в Латинской Америке уже стали предметом исследования ученых, в первую очередь, из самих латиноамериканских стран, а также США и Западной Европы. Российская юридическая наука пока не уделила этому феномену того внимания, которого он, на наш взгляд, заслуживает (на момент написания этой статьи вышли две публикации, непосредственно относящиеся к предмету [1, 3]). Цель данной статьи – высветить основные грани феномена латиноамериканского неоконституционализма и наметить возможные линии научного поиска, не претендуя на то, чтобы исчерпывающим образом ответить на все возникающие вопросы.

При имеющихся значительных национальных отличиях, всем латиноамериканским конституциям конца XX – начала XXI вв. присущи общие черты,

которые позволяют рассматривать их как составляющие определенного этапа в истории конституционного права, обладающего собственным, четко очерченным «лицом».

Первое, что бросается в глаза при знакомстве с новыми латиноамериканскими конституциями – это их объем. Конституция Колумбии насчитывает 360 статей, Венесуэлы – 350, Боливии – 411, Эквадора – 444 (не считая 60 статей «Переходных положений» и «Переходного режима»). Самыми лаконичными выглядят конституции Перу, состоящая из 206 статей и Гватемалы – из 281. Ретроспективный анализ показывает отчетливую тенденцию к увеличению объема латиноамериканских основных законов: во всех странах новейшие конституции длиннее предыдущих. Помимо разделов, закрепляющих основные права и обязанности граждан и гарантии этих прав, государственный строй, организацию власти, новые конституции все большее внимание уделяют экономическим вопросам, правам потребителей, трудовому и семейному праву, организации образования, науки и культуры, а также вопросам благосостояния, которое понимается очень широко. Например, в конституции Эквадора 2008 г. присутствуют разделы «Здоровье», «Жилище», «Культура», «Транспорт», «Физическая культура и свободное время», в боливийской конституции 2009 – «Спорт и отдых», и т. п. Особо регламентируются права отдельных категорий граждан: индейцев, инвалидов, престарелых, детей, молодежи, заключенных и т. д. Важное место занимают главы, посвященные защите природы (например, раздел «Биоразнообразию» конституции Эквадора).

Причины столь детальной регламентации вопросов, обычно не относимых к материи конституционного права и являющихся предметом регулирования отраслевого законодательства, по-видимому, следует искать в несовершенстве правовых систем латиноамериканских стран в целом. В условиях низкой дееспособности государственных институтов, при фрагментарном правопорядке, в котором законы существуют, но далеко не всегда исполняются, различные группы интересов стремятся воплотить свои притязания в нормы по возможности высшей юридической силы. В случае политического успеха их требования получают закрепление в конституции. В результате на каждом новом витке политического развития конституционные акты пополняются положениями, важными с точки зрения политических сил, получивших доступ к власти. При этом предполагается, что права, признанные конституционными нормами, будут защищены лучше, чем зафиксированные в нормах более низкого уровня. На наш взгляд,

эти ожидания безосновательны – там, где право не смогло стать действенным регулятором общественной жизни, соблюдение конституционных норм так же не гарантировано, как и любых других.

Вторая тенденция, прослеживаемая во всех латиноамериканских конституциях последнего поколения – существенное расширение перечня признаваемых и защищаемых ими прав, равно как и увеличение числа субъектов этих прав. В этом отношении новые латиноамериканские конституции идут существенно дальше международно признанных стандартов в области политических и гражданских прав, а также того набора социальных прав, который стал общепринятым во второй половине XX века, с утверждением концепции социального государства. Декларируемые ими права имеют идейную основу в разных политических традициях – либеральной, демократической, социалистической, индихенистской, что вызывает у исследователей закономерные сомнения в их совместности и возможности последовательной реализации на практике [22].

Помимо фундаментальных прав человека, гражданских и политических прав, ставших общемировым стандартом, Конституция Боливии, например, гарантирует права на воду, пищу, жилище и доступ к «основным услугам» – канализации, электричеству, газоснабжению, почтовой связи и телекоммуникациям. Большое внимание новые конституции уделяют социально-экономическим правам: на труд, отдых, социальное обеспечение, здравоохранение, образование, спорт, культурное и физическое развитие, здоровую окружающую среду; правам семьи, включая «сексуальные и репродуктивные права мужчин и женщин» (Конституция Боливии [8, ст. 66]) и т. д. Конституция Колумбии декларирует право на мир [9, ст. 22], весьма актуальное для этой страны, вот уже более полувека находящейся в состоянии внутреннего вооруженного конфликта. Это право закреплено и в Конституции Перу [14, ст. 22].

В русле этой тенденции следует еще одно отличие действующих конституций от предшествующих – более широкое признание коллективных прав. Вполне естественно для мультирасовых и полиэтнических государств, что важнейшими субъектами таких прав стали этнические общности, прежде всего коренные народы. Все новые латиноамериканские конституции (кроме доминиканской) включают разделы о правах коренных народов. Значимость «индейского вопроса», например, в такой стране, как Боливия, видна из того, что ее Конституция не только упоминает коренные народы и их антиколониальную борьбу в преамбуле, но уже во второй статье гаран-

тирует им «свободное самоопределение... которое состоит в праве на автономию, самоуправление, собственную культуру, признание их институтов и территориальных организаций». Во всех странах признаются территориальные права индейцев, их право на сохранение традиционного образа жизни (в различных его проявлениях – способы хозяйствования, религиозные практики, традиционная медицина и т. д.), право на политическое представительство и предварительное обсуждение с ними вопросов, непосредственно затрагивающих их интересы (хозяйственное освоение территорий их проживания и т. п.), на двуязычное образование. Конституция Боливии, где доля коренного населения наибольшая среди латиноамериканских стран, предусматривает и создание индейских автономий [8, ст. ст. 289-296].

Расширение перечня защищаемых прав в некоторых случаях доходит до признания субъектами права существующих, стоящих вне пределов человеческого общества. Например, Конституция Эквадора 2008 г. гласит: «Природа или Пачамама имеет право на всеобъемлющее уважение ее существования, на поддержание и регенерацию своих жизненных циклов, структуры, функций и эволюционных процессов... на восстановление» [11, ст. ст. 71-72]. Помимо наделяния природы правосубъектностью, здесь мы видим отсылку к традиционному мировоззрению андских индейцев, в котором Пачамама – персонификация природы – занимает одно из центральных мест. К этому концепту апеллирует и Конституция Боливии, но лишь в преамбуле, где Пачамама упомянута наряду с Богом [8].

В тесной связи с пристальным вниманием к субъективным правам находится признание плюрализма в качестве одной из ведущих ценностей и главных принципов латиноамериканского неоконституционализма. Термин «плюрализм» довольно давно вошел в политический и юридический дискурс и успел в нем прочно укорениться. Различные виды плюрализма – культурный, религиозный, языковой, этнический, политический, экономический – стали уже стандартными для современного права и не вызывают ни острых научных споров, ни значительной оппозиции в политических кругах.

Само понятие было введено в оборот развитыми странами Запада, и может показаться, что остальным регионам мира остается лишь следовать их примеру либо отвергать его. Но латиноамериканские государства смогли найти собственное прочтение плюрализма, придав этому термину более широкий смысл, чем тот, который он имеет в нормативно-правовых актах стран Старого Света или в документах между-

народных организаций. В новейших латиноамериканских конституциях он трактуется весьма широко, охватывая различные сферы общественной жизни. Наибольший интерес представляют категории национального и правового плюрализма, нехарактерные для европейского и североамериканского права и ставшие новеллами конца XX – начала XXI веков в праве латиноамериканских стран.

Как было сказано выше, латиноамериканский неоконституционализм находится под сильным влиянием индихенизма. Поэтому неудивительно, что в нем доминирует именно индихенистская трактовка плюрализма. Наиболее значимый аспект, в котором проявился «новый плюрализм», – это трактовка соотношения понятий «нация» и «государство».

Дорогу национальному плюрализму проложила Конституция Эквадора 2008 г., впервые провозгласившая многонациональное (*исп.* – plurinacional) государство [11, ст. 1]. Многонациональность названа среди принципов организации местного управления [11, ст. 257], а статья 6 гласит что, «эквадорская национальность есть юридико-политическая связь лиц с государством, независимо от их принадлежности к одной из коренных национальностей (*nacionalidades*), сосуществующих в многонациональном Эквадоре».

Русскоязычному читателю такое использование термина «многонациональность» может показаться знакомым и даже тривиальным («многонациональный народ Российской Федерации» и т. п.), однако необходимо учитывать, что в отличие от русского слова «национальность», означающего этнос или этническую принадлежность лица, в европейских языках этимологически близкие термины (в том числе, испанское «*nacionalidad*») означают гражданство или государственную принадлежность (судна, юридического лица и т. д.). До недавнего времени единственным исключением была Конституция Испании, где в ст. 2 слово «*nacionalidades*» употреблено в значении «этносы» [12]. Но в целом испанская конституция твердо придерживается принципа «одно государство – одна нация».

Еще дальше, чем эквадорская, по пути национального плюрализма пошла Конституция Боливии 2009 г.: термин «многонациональность» не только включен в ее первую статью как одна из ключевых характеристик государственного строя, но и стал частью официального названия государства – раньше оно именовалось «Республика Боливия», теперь – «Многонациональное Государство Боливия» [8]. Это слово входит и в названия государственных органов и структур, которые в большинстве латиноамериканских стран носят наименование на-

циональных: Многонациональное правительство, Многонациональное законодательное собрание и т. д.

Таким образом, Эквадор и Боливия решительно порвали с политико-правовой парадигмой государства-нации, вот уже более двух веков господствующей в американской и европейской конституционной теории и практике, и с присущим ей принципом «одна страна – одна нация». Согласно новой доктрине, нашедшей воплощение в конституциях двух стран, в государстве могут существовать несколько наций одновременно. Что же представляют собой эти субъекты?

Конституция Эквадора вообще не употребляет существительного «нация», только прилагательное «национальный» в значении «общегосударственный». Как состояние эквадорского гражданства, так и этнические общности, составляющие народ страны, обозначаются словом «национальность». Соотношение этих двух значений данного термина разъяснено в статье 6, процитированной выше.

Гораздо подробнее раскрыто значение понятия «многонациональность» в действующей Конституции Боливии. Статья 2 упоминает «коренные нации и народы» во множественном числе, а статья 3 говорит о «боливийской нации», которая включает «исконные коренные крестьянские нации и народы». Определение этих наций и народов дается в статье 30: «исконной коренной крестьянской нацией и народом является всякий человеческий коллектив, имеющий общие культурную идентичность, язык, историческую традицию, [социальные] институты, территорию и мировоззрение, ведущий существование со времени, предшествующего испанской колонизации». Вторая часть той же статьи содержит перечень их прав из восемнадцати пунктов. Статья 32 гласит, что афроболивийский народ пользуется «во всех соответствующих случаях такими же правами, как и коренные крестьянские нации и народы». Таким образом, «большая» боливийская нация включает в себя «малые» нации и народы. Некоторые боливийцы имеют «сложную» национальную идентичность [19, с. 45]: они принадлежат одновременно к двум нациям – «малой» и «большой», другие же только к «большой».

Такое «решение национального вопроса» порождает новые, по меньшей мере, не менее трудные вопросы. Например: не является ли оно дискриминационным по отношению к метисам и креолам, которых Конституция не признает нациями? А в том, что такой вопрос будет задан, можно не сомневаться: в Боливии давно известен феномен «камба» – так называют себя жители восточных равнинных департаментов страны, в основном креольского и

метисного происхождения, четко отделяющие себя от «колья» – индейского населения западного горного региона. Существует и «камба-национализм», правда, он не представляет собой организованного движения, но в 2008 г. волнения в восточных департаментах, происходившие под лозунгом автономии, заставили понервничать центральное правительство. Второй вопрос: коль скоро «коренные нации и народы» названы «крестьянскими», а их атрибутом – общность территории, значит ли это, что их представители, живущие в городах, перестают быть членами своих коренных наций и не могут пользоваться соответствующими правами? Ответы на эти и другие вопросы предстоит искать латиноамериканским политикам и юристам в ближайшем будущем.

С национальным плюрализмом логически связано и признание плюрализма юридического, т. е., одновременного существования на территории государства более чем одного устойчивого правового порядка. Все рассматриваемые конституции наделяют общины коренных народов более или менее широкими юрисдикционными полномочиями (за исключением Конституции Доминиканской Республики, где коренного населения нет). За индейцами признается право жить в соответствии со своими «обычаями, традициями, формами социальной организации» [13, ст. 66], «сохранять, развивать, применять и практиковать своё собственное обычное право» [11, ст. 57, п. 10]. Наиболее последовательна в этом вопросе, как и в случае национального плюрализма, Конституция Боливии, провозгласившая юридический плюрализм одним из основополагающих принципов осуществления судебной власти [8, ст. 178]. Конституция вводит специальную юрисдикцию коренных индейских сельских общин, провозглашая, что «коренные индейские нации и народы осуществляют свои судебные функции при посредстве своих властей и применяют при этом свои собственные принципы, культурные ценности, нормы и процедуры» [8, ст. 179, ст. 190].

В русле общей «плюрализации» изменились по сравнению с более ранними конституциями и нормы, касающиеся правового статуса католической церкви. Если «старые» латиноамериканские конституции выделяли ее из прочих конфессий и наделяли определенными привилегиями, то новые утверждают религиозный плюрализм и полное равноправие всех конфессий. В большинстве из них католическая церковь даже не упоминается. Исключение составляют Конституция Гватемалы, предоставляющая католической церкви права юридического лица и гарантии сохранения принадлежащей ей собственности (ст. 37); Парагвая (ст. 82) и Перу (ст. 50), признающие ее роль

в «историческом и культурном формировании» своих стран. Нетрудно заметить, что все три документа приняты в 80-х – начале 90-х годов XX века, на заре нового этапа конституционной истории Латинской Америки.

В том, что касается политического устройства, новые конституции сохраняют традиционную для Латинской Америки президентскую форму правления. Новшеством при этом стало стремление ограничить власть главы государства большим количеством противовесов (прежде всего, в форме парламентского контроля и перераспределения полномочий в пользу парламента) во избежание ее превращения в авторитарную диктатуру. Вместе с тем проявилась и противоположная по направленности тенденция – допущение переизбрания президента на следующий срок в ряде стран, где ранее действовавшие конституции этого не позволяли (Венесуэла, Колумбия), или увеличение количества возможных переизбраний (Перу), что дало возможность харизматическим лидерам (А. Фухимори в Перу, У. Чавес в Венесуэле, А. Урибе в Колумбии) дольше оставаться во главе государства.

Другая, и на наш взгляд, более важная характеристика политического устройства, к которому стремится латиноамериканский неоконституционализм – последовательный демократизм. Это проявляется, прежде всего, в существенном расширении пространства прямой демократии и политического участия посредством референдумов, плебисцитов, консультаций, вновь учреждаемых институтов делиберативной демократии, местного и общинного самоуправления и контроля [22], а также в провозглашении национального (или народного) суверенитета и учредительных полномочий нации (народа). Это важное новшество, так как на предыдущих этапах истории латиноамериканского конституционализма ему были чужды принципы прямой и делиберативной демократии. Например, Конституция Боливии 1967 г. прямо указывала, что «народ не правит и не высказывает мнения, иначе как посредством своих представителей и властей, установленных законом» [7, ст. 4]. Эта демократическая тенденция новых конституций нашла выражение уже в способе их принятия. Как правило, проекты разрабатывались учредительными конгрессами или ассамблеями, а затем утверждались референдумами (исключения – Конституции Гватемалы, Бразилии и Доминиканской Республики). Аналогичный порядок предусмотрен и для внесения существенных изменений (затрагивающих права человека, основы государственного строя и т. д.) в основные законы в будущем.

Таким образом, можно согласиться с мнением испанских исследователей Р. Висиано и Р. Мартинеса,

что одним из основополагающих для латиноамериканского неоконституционализма стал принцип демократической легитимности, предполагающий осуществление учредительной власти непосредственно народом [21]. Это, в свою очередь, дает основания говорить о новой модели разделения властей, в которой власть учредительная более четко отделена от учрежденной. Первая пребывает в нации и осуществляется посредством референдумов (хотя проекты конституций и поправок разрабатываются специально избираемыми органами, окончательное решение остается за избирательным корпусом).

Что касается постоянно действующих органов власти, чьи полномочия делегированы им народом (власть учрежденная), то большинство латиноамериканских конституций придерживаются классической модели разделения властей на законодательную, исполнительную и судебную. Однако некоторые из них идут значительно дальше по пути трансформации структуры государственной власти, дополняя ее новыми ветвями.

В частности, в Венесуэле и Боливии четвертой ветвью стала избирательная власть, а в Венесуэле существует и пятая власть – гражданская [8, ст. 12; 15, ст. 136]. Под избирательной властью понимается система органов, отвечающих за организацию, проведение выборов, издание нормативных актов в сфере избирательного права и надзор за их соблюдением и т. д. [8, ст. ст. 205-208; 15, ст. ст. 292-298]. Гражданская власть согласно Конституции Венесуэлы возглавляется Советом республиканской морали, состоящим из Защитника народа (ибероамериканский аналог омбудсмана), Генерального прокурора и Генерального контролера, и обладает контрольно-надзорными полномочиями [15, ст. 273].

Эквадорская Конституция 2008 г. вообще не содержит терминов «разделение властей» и «ветви власти», говоря вместо этого о «функциях власти», в числе которых называются: законодательная, исполнительная, судебная и функция транспарентности и общественного контроля [11]. К последней относится надзор за государственными органами и организациями, а также за частными лицами, «предоставляющими услуги или осуществляющими деятельность в сфере публичных интересов» [11, ст. 204]. Для осуществления каждой функции предусмотрена своя автономная система органов. Таким образом, мы видим разделение государственной власти на четыре «функции» или ветви, одна из которых представляет собой аналог гражданской власти по Конституции Венесуэлы.

Положение судебной власти в новых конституциях меняется в направлении расширения ее полно-

мочий и усиления гарантий независимости судебных органов с тем, чтобы они могли стать полноценным противовесом другим ветвям власти, прежде всего, исполнительной. В этом можно видеть отражение недавней истории латиноамериканских стран, большинство из которых пережили череду военных переворотов и диктатур, в условиях которых проявились все негативные последствия отсутствия сильных и самостоятельных судов. Большое место отводится в конституциях разнообразным институтам судебной защиты прав и неприкосновенности личности, таким как *habeas corpus*, *habeas data*, *ампаро* (*исп. amparo* – укрытие, убежище) – судебная защита и восстановление нарушенного права, *mandamus* – судебный приказ против неконституционных действий органов власти, народный иск (иск в защиту публичных или коллективных прав и интересов, подать который может любое лицо, как физическое, так и юридическое) и др.

Еще одно направление реформы судебной власти, тесно связанное с индихенистскими тенденциями и утверждением юридического плюрализма в качестве одного из конституционных принципов, – признание большинством новых латиноамериканских конституций юрисдикции различных органов общинного правосудия. В одних странах (Боливия, Венесуэла, Гватемала, Эквадор) оно касается главным образом традиционных судов индейских общин [2], в других (Колумбия, Перу) юрисдикционными полномочиями наделяются различные судебные институты, сформированные территориальными общинами, вне зависимости от этнического состава последних.

Много внимания новые латиноамериканские конституции уделяют экономической роли государства. В этом отношении их можно разделить на две группы. Если конституции Гватемалы, Перу, Колумбии и Доминиканской Республики следуют в либерально-рыночном русле, то на посвященных экономическим вопросам разделах конституций Бразилии, Венесуэлы, Эквадора и Боливии лежит явная печать «левого поворота», бывшего основным политическим трендом в регионе в конце XX – начале XXI веков. Они предоставляют государству самые широкие полномочия в сфере регулирования экономической жизни общества.

Современный этап развития конституционного права латиноамериканских стран продолжается уже тридцать лет. За это время усилиями американских и европейских ученых достигнут определенный успех в его концептуализации. В науке господствуют два подхода к оценке этого феномена, в чем-то конкурирующие, в чем-то дополняющие друг друга.

Первый, в основу которого положены идеи европейского неоконституционализма и известного португальского социолога Б. ди Соузы Сантуша, рассматривает конституционные процессы в Латинской Америке в контексте общемировых. Характерным образцом этого подхода является монография эквадорского правоведа Р. Авилы о конституции 2008 г., озаглавленная «Трансформативный неоконституционализм» [4] – термином, авторство которого принадлежит ди Соузе Сантушу. Тем самым автор подчеркивает единоприродность конституционных изменений в Европе и Латинской Америке. При этом он не преуменьшает и существующих отличий, главным из которых совершенно справедливо считает деколонизационный вектор новых латиноамериканских конституций вообще и, в частности, многонациональный и интеркультуральный характер конституции Эквадора.

Другая группа исследователей, напротив, акцентирует те черты процесса трансформации конституционного права в латиноамериканских странах, которые отличают его от аналогичных изменений, происходящих в других регионах, в частности, на Европейском континенте. Чтобы подчеркнуть эту инаковость, они используют термин «новый конституционализм», противопоставляя его неоконституционализму [5, 21]. В частности, испанские конституционалисты Р. Висиано и Р. Мартинес отмечают, что неоконституционализм – это, прежде всего, теория права, обосновывающая верховенство конституции над законами, конституционных ценностей и принципов – над нормами, норм, устанавливающих права, над регулирующими организацию публичной власти. «Новый» же конституционализм, родиной которого эти авторы считают именно Латинскую Америку, ставит во главу угла расширение демократического участия, обеспечение прав этнических и социальных меньшинств, защиту окружающей среды, усиление конституционного контроля над носителями власти – не только политической, но и экономической. А самое главное, что, по мнению этих ученых, отличает новый конституционализм от неоконституционализма, – это последовательная реализация принципа народного суверенитета, выразившаяся, в частности, в том, что народ не делегирует учредительную власть никаким органам, а осуществляет ее непосредственно, утверждая конституцию или поправку путем референдума [21]. Выдвигая на первое место этот признак, сторонники данного подхода ограничивают «новый латиноамериканский конституционализм» лишь несколькими конституциями, принятыми на референдумах: колумбийской, венесуэльской, эква-

дорской и боливийской. Все прочие (гватемальская, бразильская, перуанская, парагвайская и доминиканская) относятся ими к неоконституционализму. Такое деление представляется несколько искусственным, учитывая то, что при имеющихся национальных отличиях, всем латиноамериканским конституциям «нового поколения» свойственны общие черты, которые позволяют характеризовать их как составляющие единого феномена.

Поэтому, не отрицая истинности замечаний теоретиков «нового конституционализма», следует все же признать, что все латиноамериканские конституции последних десятилетий, независимо от различий в способах их принятия, объединяет целый ряд общих фундаментальных характеристик. Поэтому использование интегрирующего понятия «неоконституционализм» более продуктивно, так как дает больше возможностей для концептуализации этого сложного и многогранного феномена. Неоконституционализм – и в Латинской Америке, и в других регионах – вышел за рамки чистой теории, став основой практики конституционных реформ (вектор которых, кстати, не всегда и не во всем покорно следует предписаниям теоретиков этой научной школы), что позволяет обозначить этим термином не только определенное направление научной мысли, но и тот этап истории конституционного права, в который вступило человечество в конце XX века.

Итак, каковы же сущностные черты латиноамериканского неоконституционализма? Известный колумбийский юрист Р. Упримни характеризовал его как «трансформативный, эгалитарный, партисипаторный и плюралистический» [22, 1599]. Трансформативный, так как в новых конституциях политическое устройство трансформируется, вырываясь за рамки государства-нации. Эгалитарный, так как большое внимание уделяется социальной справедливости, защите прав меньшинств, обеспечению всеобщего благосостояния и равного доступа к различным благам. Термин «партисипаторный», на наш взгляд, уместно заменить на «радикально демократический», так как новые конституции последовательно расширяют пространство демократии во всех ее формах – партисипативной,

делиберативной, плебисцитарной, представительной и др. Плюралистический, так как именно плюрализм является основополагающим принципом латиноамериканского варианта неоконституционализма в разных областях: в культуре, экономике, политике, а самое главное – в построении правовой системы, которая становится плюралистической в большинстве стран региона. В случае Боливии и Эквадора провозглашается также национальный плюрализм. К этому можно добавить еще одну характеристику – индигенистский, так как все новые латиноамериканские конституции проникнуты пафосом антиколониализма и восстановления прав коренных народов, гарантии которых занимают значительное место в их текстах. Латиноамериканский неоконституционализм является феноменом новой эпохи – эпохи постмодерна. Это проявляется как в ревизии парадигмы государства-нации, бывшей конституционно-правовой аксиомой периода модерна, так и в комбинировании революционности с апелляцией к архаике, к ценностям и мировоззрению доколумбовых цивилизаций.

Нельзя оставить без внимания и критические оценки новых латиноамериканских конституций. Ряд исследователей высказывает опасение, что присущий им бескомпромиссный демократизм несет в себе опасность популизма [18]. С этим трудно не согласиться, особенно учитывая политическую практику таких стран, как Венесуэла и Боливия. Другой недостаток – нечеткость некоторых формулировок, вызванная отмечавшимся выше стремлением внести в основной закон как можно больше норм, важных с точки зрения тех или иных социальных и политических сил, и, как следствие, «разбуханием» конституционных текстов. В результате многие статьи конституций носят неясный характер и допускают неоднозначное толкование. По ироничному замечанию П. Саласара, для истолкования некоторых положений можно было бы организовать семинар философов, антропологов или юристов-конституционалистов, и все равно эти эксперты не смогли бы прийти к единому мнению [цит. по: 21, с. 73]. По этой же причине латиноамериканские конституции «полны надежд и обещаний, которые совсем не обязательно выполняются» [22, 1608].

Библиография:

1. Абрамова М. Г. Политико-правовая аксиология нового конституционного строительства в Латинской Америке // Юридическая мысль. 2014. № 4 (84). С. 87-93.
2. Костогрызов П.И. Правовой плюрализм в Боливии: проблемы и перспективы общинной юстиции // Российский юридический журнал. 2013. № 4. С. 122-131.
3. Костогрызов П. И. Юридический плюрализм как принцип позитивного права: опыт латиноамериканского неоконституционализма // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2015. Том 15. Вып. 2, с. 99–111.

4. Ávila Santamaría, R. El neoconstitucionalismo transformador: El estado y el derecho en la Constitución de 2008, Quito, Abya Yala, Univ. Andina Simón Bolívar, Fundación Rosa Luxemburg, 2011, 307 p.
5. Chalco Salgado, J. ¿Neo o Nuevo constitucionalismo? // DIARIO EL TIEMPO DE CUENCA, May 23, 2015.
6. Chile: Bachelet anuncia nueva Constitución y reformas contra la corrupción // http://www.bbc.com/mundo/ultimas_noticias/2015/04/150428_chile_bachelet_nueva_constitucion_lav
7. Constitución Política de la República de Bolivia de 1967. [Электронный ресурс]. URL: http://www.wipo.int/wipolex/es/text.jsp?file_id=184603
8. Constitución Política del Estado Plurinacional de Bolivia, 2009 [Электронный ресурс]. URL: http://www.justicia.gob.bo/index.php/normas/doc_download/35-nueva-constitucion-politica-del-estado.
9. Constitución Política de Colombia, 1991 [Электронный ресурс]. URL: http://www.secretariasenado.gov.co/senado/basedoc/cp/constitucion_politica_1991.html.
10. Constitución de la República del Ecuador de 1998 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.asambleanacional.gob.ec/documentos/biblioteca/constituciones-del-ecuador/Constitucion-1998/1998-Documento-original.pdf>.
11. Constitución de la República del Ecuador de 2008 [Электронный ресурс]. URL: http://www.asambleanacional.gob.ec/documentos/constitucion_de_bolsillo.pdf.
12. Constitución española de 1978. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.congreso.es/consti/constitucion/indice/index.htm>
13. Constitución Política de la República de Guatemala, 1985 [Электронный ресурс]. URL: http://www.cc.gob.gt/index.php?option=com_content&view=article&id=93:artconstipolitrepugua&catid=36:catpublicaciones&Itemid=67tent&view=article&id=93:artconstipolitrepugua&catid=36:catpublicaciones&Itemid=67.
14. Constitución Política del Perú de 1993 [Электронный ресурс]. URL: <http://www2.congreso.gob.pe/sicr/RelatAgenda/constitucion.nsf/constitucion>.
15. Constitución de la República Bolivariana de Venezuela 1999. // Gaceta Oficial de la República de Venezuela, 30.12.1999, № 36 860.
16. Constituciones políticas del Perú // <http://www.leyes.congreso.gob.pe/constituciones.html>
17. Discurso de la Presidenta de la República al anunciar el proceso constituyente. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gob.cl/2015/10/13/discurso-de-la-presidenta-de-la-republica-al-anunciar-el-proceso-constituyente/>
18. Edwards, S. Populismo o mercados. El dilema de América Latina. Bogotá: Norma. 2009.
19. García Linera, Á. Identidad Boliviana. Nación, mestizaje y plurinacionalidad. La Paz. 2014.
20. Nolte, D., Schilling-Vacaflor, A. Introduction: The Times they are a Changin': Constitutional Transformations in Latin America since the 1990s. // Nolte, D. and Schilling-Vacaflor, A. eds. New Constitutionalism in Latin America. Promises and Practices. London: Ashgate. 2012.
21. Viciano Pastor, R.; Martínez Dalmau, R. La Constitución democrática, entre el neoconstitucionalismo y el nuevo constitucionalismo. // Debates constitucionales en nuestra América. 2014. Pág. 63-84.
22. Uprimny, R. The Recent Transformation of Constitutional Law in Latin America: Trends and Challenges // Texas Law Review. 2011, Vol. 89. P. 1587-1609.

References (transliterated):

1. Abramova M. G. Politiko-pravovaya aksiologiya novogo konstitutsionnogo stroitel'stva v Latinskoi Amerike // Yuridicheskaya mysl'. 2014. № 4 (84). S. 87-93.
2. Kostogryzov P.I. Pravovoi plyuralizm v Bolivii: problemy i perspektivy obshchinnoi yustitsii // Rossiiskii yuridicheskii zhurnal. 2013. № 4. S. 122-131.
3. Kostogryzov P. I. Yuridicheskii plyuralizm kak printsip pozitivnogo prava: opyt latinoamerikanskogo neokonstitutsionalizma // Nauchnyi ezhegodnik Instituta filosofii i prava Ural'skogo otdeleniya Rossiiskoi akademii nauk. 2015. Tom 15. Vyp. 2, s. 99–111.
4. Ávila Santamaría, R. El neoconstitucionalismo transformador: El estado y el derecho en la Constitución de 2008, Quito, Abya Yala, Univ. Andina Simón Bolívar, Fundación Rosa Luxemburg, 2011, 307 p.
5. Chalco Salgado, J. ¿Neo o Nuevo constitucionalismo? // DIARIO EL TIEMPO DE CUENCA, May 23, 2015.
6. Chile: Bachelet anuncia nueva Constitución y reformas contra la corrupción // http://www.bbc.com/mundo/ultimas_noticias/2015/04/150428_chile_bachelet_nueva_constitucion_lav
7. Edwards, S. Populismo o mercados. El dilema de América Latina. Bogotá: Norma. 2009.
8. García Linera, Á. Identidad Boliviana. Nación, mestizaje y plurinacionalidad. La Paz. 2014.
9. Nolte, D., Schilling-Vacaflor, A. Introduction: The Times they are a Changin': Constitutional Transformations in Latin America since the 1990s. // Nolte, D. and Schilling-Vacaflor, A. eds. New Constitutionalism in Latin America. Promises and Practices. London: Ashgate. 2012.
10. Viciano Pastor, R.; Martínez Dalmau, R. La Constitución democrática, entre el neoconstitucionalismo y el nuevo constitucionalismo. // Debates constitucionales en nuestra América. 2014. Pág. 63-84.
11. Uprimny, R. The Recent Transformation of Constitutional Law in Latin America: Trends and Challenges // Texas Law Review. 2011, Vol. 89. R. 1587-1609.